

Более 100 лет прошло с той страшной ночи в Ипатьевском подвале, когда приняла мученическую кончину Святая Царская Семья со своими верными слугами. В те дни общество практически никак не отреагировало на это величайшее злодеяние. Даже Поместный Собор считал неуместным выступить с заявлением, осуждающим цареубийство. Царственные Мученики умерли, оставленные всеми, за исключением горстки верных слуг. «Кругом измена и трусость и обман», — записал Государь в своем дневнике в горькие февральские дни 1917 года, ставя диагноз военной и политической элите страны, предавшей своего вождя. Императора, попавшего в ловушку к заговорщикам, никто не защитил и практически никто не поддержал, почти все окружавшие его «верноподданные» разбежались. Впрочем, Государь был страшно одинок почти все годы своего царствования. Мало кто из сановников его понимал.

Подавляющее большинство представителей военной и политической элиты не понимали его упорное нежелание согласиться на формирование «правительства народного доверия», пойти на уступки «обществу» (либеральным политикам), считали это упрямством. Время показало, кто был прав, — «любимцы общества» в феврале 1917 года сформировали правительство, но оно просуществовало всего несколько месяцев, с позором уйдя в небытие. Хотя и тут, в своем бездарном провале они попытались обвинить Царя, мол, поздно согласился пойти им на уступки, вот если бы раньше...

Мало кто из представителей высшего света понимал его искреннюю религиозность, — в обществе уже было распространено формальное отношение к православию. Многие не понимали и не одобряли его кадровые решения. Наконец, почти все представители высшего света не понимали его дружбы с простым русским мужиком Григорием Распути-

ным, всеми фибрами своих душонок ненавидели Распутина и с удовольствием повторяли всякого рода грязные сплетни о нем.

Государь искал единомышленников среди представителей истеблишмента. И, увы, очень редко находил. А если находил, то этого чиновника начинали дружно травить представители высшего света и бюрократии. Так случилось с Николаем Алексеевичем Маклаковым, о котором Государь сказал, по свидетельству Анны Александровны Вырубовой: «Наконец-то я нашел человека, который меня понимает и с которым я могу работать». Государь настоял на назначении Маклакова на должность министра внутренних дел, несмотря на сопротивление многих влиятельных сановников. Но Маклаков оказался самым неудачливым министром — ни один проект его контрреволюционных преобразований не получил поддержки даже в среде министров правительства Его Величества. Более того, после устроенной Маклакову коллегам-министрами обструкции Царь был вынужден отправить его в отставку.

Еще один характерный пример — судьба Александра Дмитриевича Протопопова, депутата Госдумы, одного из любимцев «общества», кандидата в министры от оппозиции. Государь, зная, что Протопопов — один из лидеров октябристов — является оппозиционером, но, видя, что он — человек честный и порядочный, предложил ему возглавить министерство внутренних дел. Царь, ко всему прочему, рассчитывал таким образом сделать шаг навстречу оппозиции, показать, что он готов к диалогу. Но оппозиция хотела не частных уступок, не сотрудничества с Верховной властью, оппозиция хотела всей полноты власти. Лидеры оппозиции настойчиво советовали Протопопову отказаться от предложения Императора, но он, как верноподданный, согласился. В мгновение ока он стал «нерукопожатным» в среде «прогрессивной интеллигенции». Более того, Протопопова стали откровенно третировать и даже объявили сумасшедшим.

Да, Государь был страшно одинок тогда. Но понимаем ли мы сегодня Николая Александровича по прошествии 100 лет со дня его мученической кончины? Конечно, Царская Семья вместе с некоторыми слугами прославлена Церковью, растет их почитание в народе. Канонизация привела к тому, что умолкла откровенная хула на Царя, редко кто уже дерзает повторять сплетни и клевету о последнем русском Императоре. Но, по большому счету, и сегодня Николай II не понят русским народом, не понят смысл его царствования. Нередко приходится слышать даже от православных людей: да, он — мученик, но он был слабым правителем, поскольку не смог удержать страну, отрекся от престола. Придерживающиеся такого мнения люди не хотят понять всей сложности ситуации в стране, не желают видеть, что Император был единственным, кто в злосчастном феврале 1917 года боролся до конца. Даже его отречение в пользу брата Великого князя Михаила было одним из методов его борьбы за Престол. Потомство Михаила не имело права на престол из-за морганатического брака.

Симметричным ответом на эти упреки стало утверждение, что Государь был великим государственным деятелем, а то и великим реформатором. Утверждающие подобное (а среди них есть люди с учеными степенями и, судя по всему, искренне любящие Государя) не отдают себе отчета, что подобными славословиями они, на самом деле, бросают тень на Императора, приписывая ему неоднозначные реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Получается, что, к примеру, разрушение общины, которое однозначно осуждалось всеми правыми мыслителями и деятелями, как вредная сторона столыпинских реформ, дело рук Царя?! Эти почитатели Государя любят говорить, что начало XX века — это эпоха расцвета России, что страна столь успешно развивалась, что вот-вот должна была выйти на первое место в мире едва ли не по всем показателям. Но Россия-то пала. Выходит, что в этом виноват Царь, не сумевший грамотно руководить успешно развивавшейся страной. Словом, те, кто

изображает Николая II великим полководцем, великим реформатором, главой успешно развивавшейся страны, тоже искажают образ Царя-Мученика, только другим способом.

Полагаю, что подлинный смысл государственного служения Императора Николая II, мотивы многих его деяний до сих пор не поняты, хотя написано уже много книг и статей, посвященных его царствованию, защищены даже научные диссертации. Сформулирую главный тезис, который намереваюсь обосновать: *смысл служения Государя, смысл его царствования состоял в попытках реставрации Самодержавия в России, которая стремительно превращалась в конституционную монархию. Попытки эти оказались неуспешными, расклад сил оказался не в пользу Императора.* Но эти попытки были. И это делает честь ему как главе государства, как вождю Третьего Рима и как человеку, глубоко понимаемому, куда катится страна.

Подробнее остановлюсь на трех направлениях усилий Царя-Страстотерпца по реставрации Самодержавия: 1. попытка вырваться из геополитической западни, в которой оказалась страна с начала 90-х годов XIX века, и выстроить европейскую модель безопасности; 2. попытка реализовать славянофильскую модель управления, основанную на прямой связи Царя и Народа; 3. попытка создать собственную опричнину для проведения своей антиреволюционной политики.

1. ПОПЫТКА ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗАПАДНИ

Чаще всего в публикациях историков и публицистов дело представляется так, что Николай II вступил на Всероссийский Престол едва ли не в самое благополучное время в истории России. На самом деле, он получил очень непростое наследство в области геополитики и внешней политики от своего великого отца. Речь идет о союзе с Францией, на который Император Александр III опрометчиво согласился под влиянием своих сановников из дипломатического и военного ведомств. Понятно, что для заключения этого союза были некоторые объективные предпосылки. В 1877 году, как известно, Россия вступила в войну с Турцией, что вызвало невероятный национальный подъем. Освобождение страждущих под османским игом братушек-славян стало делом, на время объединившим разные идейно-политические силы. Бок о бок с восставшими сербами сражались и революционные демократы, и консервативные славянофилы. Усиление России на Балканах ожидаемо привело к росту напряженности в отношениях с Австро-Венгрией, имевшей свои виды на этот регион, и ее ближайшей союзницей Германией, которые до того времени были союзниками России. Эти страны не воевали против нашей страны во время тяжелейшей Крымской (Восточной) войны, когда крупнейшие европейские державы (Англия, Франция, Сардиния (будущая Италия) выступили на стороне Турции.

Однако союз с Францией нельзя объяснить только изменением геополитической ситуации, он был во многом рукотворным делом либерального крыла военной и дипломатической элиты империи. Тут стоит вспомнить острую борьбу вокруг выбора будущей модели военной реформы между «партией» покорителя Кавказа князя А.И. Барятинского, вокруг которого группировались консервативные генералы, его сослуживцы (Р.А. Фадеев, М.Г. Черняев и др.), и «партией» военного министра генерала Д.А. Милютина, также служившего некоторое время под началом Барятинского, но имевшего либеральный образ мыслей. Князь предлагал взять за образец прусскую модель организации военного строительства, Милютин — французскую. Победила «партия Милютина». Император Александр II поддержал его проект военной реформы, несмотря на личную дружбу с Барятинским. Тайные пружины этой борьбы вокруг проекта военной реформы еще не изучены должным образом, а это был поворотный пункт нашей истории, предопределивший многое.

И тут очень важно присмотреться к фигуре начальника Генерального штаба генерала от инфантерии Николая Николаевича Обручева (1830-1904), сыгравшего ключевую роль в формировании франко-русского военного союза, который в итоге погубил Россию. В молодости только начинавший военную карьеру Обручев был близок с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым, разделял их революционные идеи. И нет сведений, чтобы он раскаялся в своих революционных увлечениях молодости, подобно Л.А. Тихомирову, Ф.М. Достоевскому или Н.Я. Данилевскому. Более того, фельдмаршал Великий князь Николай Николаевич Старший отказался включить Обручева в состав своего штаба во время русско-турецкой войны, хотя ему активно советовал это сделать военный министр Д.А. Милютин, рекомендуя его как талантливого штабиста. Однако Великий князь остался непреклонен, объясняя свою позицию тем, что Обручев в 1863 году «демонстративно отчислился от должности, не желая идти на «братоубийственную войну» русским с поляками». Милютин покровительствовал Обручеву, при нём он дослужился до высоких званий, практически не участвуя в боевых действиях, но имея репутацию талантливого стратега. Именно Обручев продвигал идею военного союза с Францией. Продвигал вполне успешно. Он и иные либеральные царедворцы, зная негативное отношение Императора Александра III к германскому кайзеру, видимо, использовали это для того, чтобы убедить Императора в правильности такого геополитического манёвра, мол, надо остудить рвущуюся к мировому господству Германию. И в начале 90-х годов XIX века Франция и Россия начали процесс сближения.

11 июля 1891 года в Кронштадт с визитом прибыла французская военная эскадра. Император Александр III, чтобы подчеркнуть важность визита, лично приветствовал французов. И был вынужден выслушать стоя исполнение французского (революционного!) гимна «Марсельеза» в Петергофе во время обеда, что произвело впечатление на петербургскую публику. Александр III отшутился по этому поводу: «Мы же не можем дать французам другой гимн». Однако факт остается фактом: в России впервые легально исполнялась «Марсельеза», в которой звучало «к оружию, граждане» и обличался «кровавый флаг тирании». Более того, в России хорошо был известен русский вариант песни, начинавшийся со слов: «Отречёмся от старого мира, // Отряхнём его прах с наших ног! // Нам не нужно золотого кумира, // Ненавистен нам царский чертог».

21 августа 1891 года Россия и Франция подписали соглашение о консултации всех вопросов и политической договорённости обеих сторон. Дальше — больше. Через год, 27 августа 1892 года, соглашение было дополнено военной конвенцией, подписанной начальниками генеральных штабов России и Франции тем самым Н.Н. Обручевым и ставшим его близким другом Р. Буадефром. Союз Франции и России вызвал удивление у всей Европы. Действительно, ещё несколько лет назад никто не мог даже подумать, что оплот консерватизма и традиционализма — Россия и самая демократическая, самая атеистическая (чуть позднее законом от 9 декабря 1905 года во Франции впервые в истории христианских стран был установлен принцип отделения церкви от государства) страна Европы заключат между собой союзный договор. Что могло быть более противоестественным, чем этот союз?! Гораздо логичнее выглядел союз России и Германии. Но случилось то, что случилось. Франция, разумеется, мечтала о реванше после поражения во франко-прусской войне и утраты Эльзаса и Лотарингии. И ей для этого нужны были союзники. Но у России не было неразрешимых противоречий с Германией. Конечно, наши интересы сталкивались на Балканах с интересами ближайшего союзника Германии Австро-Венгрии, но их можно было регулировать, искать компромиссы.

Очевидно, Император Николай II понимал, что формирование двух военных блоков в Европе чревато большой европейской войной. Он оказался заложником ситуации. Нравственно на него давил тот факт, что

союз с Францией был заключен его отцом, а к памяти отца он относился благоговейно. Тем не менее, Государь решается исправить ситуацию. Генерал Обручев на тот момент был уже в отставке и жил во Франции, хотя, несомненно, оставался влиятельным человеком, будучи членом Государственного совета и генерал-адъютантом. Он умер в июне 1904 года.

Через год после смерти Обручева Государь предпринимает попытку провести ревизию геополитического наследия. 11 (24) июля 1905 года состоялась его встреча с германским императором Вильгельмом II у балтийского острова Бьёрке (недалеко от Выборга) на борту императорской яхты «Полярная звезда». Результатом этой встречи стал секретный русско-германский союзный договор, которым предполагалось превратить российско-германский союз в тройственный российско-германско-французский, направленный, фактически, против Великобритании. А самое главное — *гарантировавший мир на европейском континенте*. Свидание двух императоров в Бьёрке проходило почти конспиративно. Государь, видимо, зная негативное отношение к своей затее самых влиятельных министров, утаил от них цель встречи, пригласив с собой меньше месяца назад назначенного морским министром Алексея Алексеевича Бирилева (по условиям протокола нужно было, чтобы соглашение было завизировано министрами с обеих сторон). Бирилев был монархистом старой закалки, для которого воля Императора была законом.

Государь вернулся победителем. Он создал условия для предотвращения мировой бойни. Теперь оставалось убедить Францию присоединиться к этому договору. Однако до этого дело не дошло. Против подписанного соглашения резко и дружно выступили царские министры и генералы. Самые влиятельные — министр финансов С.Ю. Витте и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф — начали давить на Императора, требуя расторжения соглашения, как вредного и опасного для России. Категорически против были и французы, они рассчитывали с помощью России разгромить Германию, чтобы отомстить за позор поражения и вернуть промышленно развитые провинции Эльзас и Лотарингию. В результате сильнейшего давления на Государя, который ни у кого из сановников не нашел поддержки, в ноябре 1905 года Николай II направил Вильгельму II письмо, в котором вступление в силу Бьеркского договора обуславливалось присоединением к нему Франции, которая, разумеется, присоединиться не захотела. Формально Бьеркский договор не был расторгнут, но фактически в силу не вступил. Так была похоронена геополитическая модель Париж — Берлин — Петербург (Москва), которую и в наше время пытается выстроить наш Президент Владимир Путин.

2. СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, КАК ГЛАВНАЯ ЕГО ТРАГЕДИЯ

Такая постановка вопроса с моей стороны — со стороны человека, считающего себя наследником славянофилов (в широком смысле слова) — выглядит неожиданно. Но это так. Постараюсь обосновать свою мысль.

Славянофильство как система идей, обосновывающая русскую самобытность, возникла и оттачивалась в московских салонах в 30-40-е и 50-е годы XIX века. В 70-80-е годы славянофильство уже широко распространилось в интеллектуальных кругах и политической элите, завоевав умы многих дипломатов и чиновников. Особенно этому способствовали восстания против турецкого владычества в Боснии и Болгарии и последовавшая затем Русско-турецкая война 1877-1878 годов, вызвавшая необычайный подъем симпатий к славянам в русском обществе. Проникали славянофильские идеи и в придворные сферы, им сочувствовали и некоторые представители Династии Романовых. В результате будущий Император Николай Александрович воспитывался в

атмосфере славянофильских идей.

Одной из любимых идей славянофилов было преодоление разрыва между Народом и Царем, чей светлый образ, по их мысли, заслонила от Народа бюрократия, которую так и называли «средостение». И Государь, как мы можем увидеть, принял эту идею сердцем, все свое царствование он искал единения с народом. Как следует из его дневника и переписки, именно этой мыслью было продиктовано учреждение Государственной Думы. Известно, что одним из способов преодоления «средостения» для славянофилов был созыв Земского Собора, задачей которого было соединение Царя с Народом. Увы, в условиях общества, ступившего на путь модернизации, эта славянофильская идея выродилась в некое подобие западноевропейского парламента с русской спецификой. В результате первые две Думы Царю пришлось распустить, поскольку они превратились в очаг революционной пропаганды. Не особо уллучшился характер Думы и после столяпинской реформы 1907 года, ограничившей присутствие в ней низших сословий. И, как мы знаем, в 1917 году именно Дума стала одним из очагов государственного переворота.

Царь постоянно искал и непосредственного общения с народом. Он активно участвовал в публичных мероприятиях: юбилейных торжествах, которых в начале века на Руси было немало (годовщины Полтавской и Бородинской битв, 300-летие Дома Романовых), канонизациях святых, собиравших многочисленные толпы паломников. Именно поисками Царем непосредственного общения с народом можно объяснить его дружбу с Григорием Ефимовичем Распутиным, в лице которого Император видел лучшего представителя русского народа. Поэтому травлю Распутина, которую организовали представители высшего света и сановники, нужно воспринимать как стремление не допустить прямого общения Царя и Народа. Словом, *Николая Александровича с полным основанием можно назвать славянофилом на Троне*. Однако, как это ни парадоксально прозвучит, но именно славянофильство сыграло с Императором Николаем II злую шутку, помешав ему осуществить «революцию сверху». В славянофильском наследии был один «пунктик» — славянофилы негативно оценивали роль Петра Великого в русской истории, обвиняя его в искусственном насаждении западноевропейских порядков в России. Негативно относились к первому русскому императору и многие представители Церкви, обвинявшие его в нарушении канонического строя, в превращении Церкви в подчинённое Государству «духовное ведомство». Словом, славянофилы целиком отдали образ Петра Великого западникам, его наследие им было неинтересно.

Но в условиях резкого обострения противоречий общественной жизни в начале XX века, возможно, единственным позитивным выходом была «революция сверху»: радикальный слом трещавшей по швам социальной и политической системы Российской Империи. Но слом не катастрофический, а управляемый и контролируемый Верховной властью. Тот путь, который в иных условиях прошли великие предшественники Николая II, — первый русский Царь Иоанн Васильевич Грозный и первый русский Император Петр Алексеевич Великий. Кстати, необходимость коренной ломки остро чувствовала своим женским чутьём его святая супруга, — неоднократно в письмах Александры Федоровны к Государю читаем: «стань Иоанном Грозным, стань Петром Великим!». Но Государь, воспитанный на славянофильских идеалах, негативно относился к наследию Петра Великого, чей опыт «революции сверху» был ближе по времени, а потому и более пригоден для подражания. Однако для Николая II опыт Петра Великого оказался не пригоден, поскольку он оценивал его реформы и его политику весьма и весьма критически. Об этом есть свидетельства. Так, начальник Канцелярии Министерства Двора генерал А.А. Мосолов в своих воспоминаниях «При дворе Императора» рассказывает, что когда он заговорил с Государем о Петре Великом, то получил резкий ответ: «Это предок, которого я менее других люблю за его увлечение за-

падной культурой и поругание всех чисто русских обычаев». Обескураженный Мосолов попытался еще раз вернуться к теме, но получил еще более раздраженный ответ. Он сделал вывод: «Антипатия к великому реформатору гнездилась в природе Царя».

Также и офицер л.-гв. Егерского полка В.А. Каменский, 16 лет служивший при дворе, в своей статье «О Государе Императоре» передает оценку Николаем II первого Императора буквально в тех же словах. В ответ на его восторженную оценку Петра Великого в связи с 200-летием основания Санкт-Петербурга Николай Александрович произнес: «Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западной культурой и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время, как переходный период, и было необходимо, но мне оно несимпатично».

В этом, на мой взгляд, состоит подлинная трагедия императора Николая II. Ситуация в России начала XX века, когда страна стала центром неразрешимых противоречий, могла разрешиться только революцией. Но революция, снимавшая эти противоречия, могла быть проведена самой властью, «малой кровью», как это произошло при Петре Великом. Именно опыт первого русского императора был актуален в начале XX века, но, увы, не был востребован.

3. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ОПРИЧНИНА НИКОЛАЯ II: ТРАГЕДИЯ ЦАРЯ И ЧЕРНОЙ СОТНИ

Был слабый шанс на неревOLUTIONный выход из политического кризиса, в котором оказалась Россия в начале XX века, и он был связан с возможностью создания «николаевской опричнины» из числа Черной сотни. Когда в ответ на вызов революции 1905 года по всей стране стали организовываться монархические общества и союзы, которые фактически расчистили улицы российских городов от антиправительственных демонстраций и позволили органам правопорядка восстановить спокойствие, появилась надежда, что Черная сотня может стать той силой, которая позволит Царю избежать революционной катастрофы и в дальнейшем. Основания так думать были. В 1906-1908 годах правоконсервативные организации были самой многочисленной политической силой. По подсчетам полиции в эти годы только активистов Союза Русского Народа — самой мощной монархической организации — было более 400 тысяч, а сочувствующих монархической идеологии могло быть на порядок больше. Причем, в Союзе было много крестьянских и рабочих отделов, были даже созданы отделы Союза Русского Народа, состоявшие из татар и башкир. Черносотенцев активно поддерживало православное духовенство, особенно провинциальное. Словом, монархисты в эти годы были поистине всероссийской и всенародной политической силой.

Сам Император Николай II не раз выказывал симпатии Черной сотне. Целый ряд организаций и депутатий монархистов удостоивались Высочайших приемов, во время которых Государь демонстрировал свое благосклонное отношение к высказываемым ими идеям. Однажды он произнес: «Объединяйтесь, Русские люди, я рассчитываю на вас», что вызвало восторженную реакцию в среде монархистов. Из уст в уста передавались сведения, что Государь и Цесаревич носят на груди значок члена Союза Русского Народа. Однако этого было мало, нужны были организационные усилия, чтобы как-то вписать эту силу в механизм государственной власти. *Черная сотня должна была бы стать, с одной стороны, чем-то вроде «добровольных народных дружин» советского времени, помогающих органам правопорядка поддерживать спокойствие, а с другой стороны, чем-то типа нынешнего путинского «Общероссийского народного фронта», обеспечивающего общественную поддержку политическому режиму и даже неформально контролирующего дея-*

тельность чиновников на местах. А вот это как раз не входило в планы политического класса Империи. На черносотенцев с опаской поглядывали не только революционеры, но и либералы, которые уже преобладали в коридорах власти. Монархисты им открыто мешали.

Кроме того, монархисты приняли в штыки столыпинскую аграрную реформу, которая предусматривала ликвидацию общины, которую правые рассматривали как оплот социальной стабильности русского общества. Петр Аркадьевич Столыпин не мог (да и не хотел) опереться на правых для проведения своей политики. Он решил создать собственную политическую силу для поддержки своего курса, для чего нужно было расчистить политическое пространство. Поэтому вместо того, чтобы предложить какую-то модель включения Черной сотни в структуры власти, правительство попыталось просто удалить монархистов с политической сцены. Это было не просто сделать, поскольку сами черносотенцы уходить не хотели. Монархическое движение начали давить и раскалывать. Представители власти в центре и на местах использовали любой промах правых для их дискредитации. Правые издания разоряли штрафами, терзали судебными исками. Пропасть между правыми и П.А. Столыпиным все разрасталась и разрасталась. В итоге и Столыпин как политик к концу жизни остался почти в полном одиночестве, и правые были раздроблены организационно и дискредитированы в глазах общества. Это — во-первых.

Во-вторых, костяк Черной сотни составило простонародье — крестьяне, рабочие и мещане, которые ожидали получить помощь в решении своих жизненно важных нужд. Откликаясь на народные ходатайства, монархические организации в ряде случаев поддерживали справедливые требования рабочих и крестьян, что встретило негативную реакцию со стороны помещиков и фабрикантов, которые начали жаловаться власти на черносотенцев. Попытки монархических организаций разработать программы по облегчению условий труда, улучшению условий быта рабочих и крестьян наткнулись на противодействие землевладельцев и промышленников и поддерживающей их местной власти. Черносотенцев начали выставать, как «революционеров справа», что способствовало их дискредитации в глазах Верховной власти.

Впрочем, и сами черносотенцы давали поводы к такой характеристике. И это — в-третьих. Черная сотня, разогнав революционные манифестации с улиц городов, напугав до смерти либералов, почувствовав свою силу. Это привело к тому, что к монархическому движению начали примыкать всякого рода проходимцы, авантюристы и искатели удачи. Кроме того, само черносотенное движение, будучи плоть от плоти русского общества той эпохи, страдало теми же болезнями, что и все — весьма нездоровое уже — русское общество. Поэтому расколы и внутренние усобицы и не нужно было особо провоцировать, они возникали постоянно.

И последнее. После Манифеста 17 октября 1905 года было изменено законодательство. Попытки Императора остановить процесс юридического оформления конституционной монархии, к чему вел дело политический класс, наткнулись на сопротивление сановников, бюрократии и политиков. Государю удавалось только замедлить этот процесс. Но черносотенцы, видя умаление Самодержавия, постоянно требовали от Императора радикальных мер (распустить Государственную думу, ликвидировать партии, ужесточить цензуру и т.д.), упорно не замечая, что Государь не мог удовлетворить эти требования. Не мог из-за сопротивления элиты изменить законы. При этом Император поощрял монархистов действовать, руководствуясь чувствами верноподданных, не нарушая при этом законы. На встрече с депутацией Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии он сформулировал алгоритм действий для черносотенцев, сказав: «Передайте всем уполномочившим вас, что реформы, которые мною возведены Манифестом 17 октября, будут осу-

ществлены неизменно и права, которые мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы. Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь».

Император не только говорил, но и действовал в таком духе. Так он откровенно поддерживал градоначальника Ялты генерала И.А. Думбадзе, который мог позволить себе игнорировать требования Сената, если они противоречили пониманию генералом долга верноподданного. Николай II открыто поддержал вмешательство в избирательный процесс, как бы сейчас сказали — использование «административного ресурса», Черниговским и Нижегородским губернаторами Н.А. Маклаковым и А.Н. Хвостовым, а также деятельность Одесского градоначальника И.Н. Толмачева. Увы, в России не нашлось достаточного числа чиновников, которые бы понимали Государя и готовы были действовать, руководствуясь долгом верноподданного.

Словом, шанс сформировать из числа черносотенцев структуру, наподобие опричнины, которая могла бы подавить новую революцию, в тех условиях был чисто умозрительный. Стать твердой опорой Царю Черная сотня не смогла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ . ОН БОРОЛСЯ ДО КОНЦА

Сейчас стало модно, перечисляя заслуги Императора Николая II, говорить: столько-то было построено портов и заводов, спущено на воду кораблей, проложено километров железнодорожных путей, открыто учебных заведений и учреждений культуры и т.п. Но не в этом главная заслуга Государя. Не в строительстве портов и кораблей, их бы построили и без него. *Главная заслуга последнего русского Императора в том, что он до последней возможности держал расплывшуюся под грузом внутренних противоречий страну.* Держал, пока измена не стала тотальной.

Известный советский журналист Михаил Кольцов (Фридлянд) в 1924 году в предисловии к книге «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев» написал: «Николай уступил, он отрекся после решительной и стойкой борьбы в полном одиночестве... Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх... Не он погубил, его погубили. Николая Романова увлек за собой, свалил и похоронил под своими обломками его же правящий дворянский класс». Эта оценка дорогого стоит, поскольку Кольцов ненавидел Государя, был его врагом. Но даже враг, если он честен, не может не признать очевидного.

Государь принял очень проблемную страну и держал до последнего штурвал власти в своих руках, пока его не заманили в западню генералы, а политики (Гучков и его агенты в среде рабочих Петрограда) не организовали акции протеста на заводах и фабриках столицы.

Государь, сколько было сил, держал разваливавшуюся страну. Он шел на уступки, увольнял министров, лавировал, что принимали за слабость. А он просто продлевал мирную жизнь русскому обществу...